

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА У.С. МОЭМА «THE MOON AND SIXPENCE»

LEXICAL MEANS OF CREATING A PORTRAIT OF THE MAIN CHARACTER IN W.S. MAUGHAM'S NOVEL "THE MOON AND SIXPENCE"

L. Sartaeva
O. Bakumenko

Summary: The article tries to identify and analyze the lexical means of creating a portrait of the main character in S. Maugham's novel "The Moon and Sixpence". The research uses methods of analysis and synthesis, observation, and description. The portrait characteristics of Charles Strickland on behalf of the narrator and a minor character are revealed. It is noted that when creating the portrait of the main character, nouns of the thematic groups "body" and "clothes" are most often used, which are combined with other nouns, as well as adjectives, participles, or participial phrases, allowing the writer to detail the images and present the appearance of the hero at different stages of his life. It is proved that portraits of Strickland are evaluative. All the lexical units involved fulfill the functions of evaluation, the evaluative character is especially noticeable in the use of comparisons.

Keywords: character portrait, portrait characteristics, lexical means, portrait vocabulary, personalized narrator, author's style, "The Moon and Sixpence".

Сартаева Людмила Ивановна

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», (г. Краснодар) sartaeva60@mail.ru

Бакуменко Ольга Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», (г. Краснодар) olga.bakoumenko@gmail.com

Аннотация: В статье производится попытка выявить и проанализировать лексические средства создания портрета основного персонажа романа С. Моэма «The Moon and Sixpence». При проведении исследования применяются методы анализа и синтеза, наблюдения и описания. Выявлены портретные характеристики Чарльза Стрикленда от лица рассказчика и одного из второстепенных героев. Отмечается, что при создании портрета главного героя чаще всего используются имена существительные тематических групп «тело» и «одежда», которые сочетаются с другими существительными, а также прилагательными, причастиями или причастными оборотами, позволяющими писателю детализировать изображения и представить внешний облик героя на разных этапах его жизни. Доказано, что портреты Стрикленда являются оценочными. Функции оценки выполняют все задействованные лексические единицы, оценочный характер особенно заметен при использовании сравнений.

Ключевые слова: портрет персонажа, портретная характеристика, лексические средства, портретная лексика, персонажифицированный повествователь, авторский стиль, «Луна и грош»

Каждое эпическое произведение представляет собой неповторимый художественный мир, важнейшей составляющей которого являются образы людей, наделяемых писателями индивидуальными чертами характеров и своеобразным внешним обликом. В связи с этим «портретные характеристики персонажей» (или просто «портреты») становятся одним из понятий, достаточно часто упоминаемых в филологических исследованиях. Учеными отмечается, что портреты позволяют авторам произведений создавать наглядные представления о наружности изображаемых ими героев и одновременно давать определенный объем сведений о духовной жизни действующих лиц и отдельных чертах их характеров (А.Б. Есин [3], Г.Э. Ионкис [4], Е.С. Седова [6], М. Šušić [12] и др.).

В данной работе материалом для проведения наблюдений над авторским лексиконом послужил роман «The Moon and Sixpence» английского писателя первой половины XX века Уильяма Сомерсета Моэма (William Somerset Maugham) [11]. Для русскоязычного комментария примеров используется официально признанный

перевод «Луна и грош», выполненный Наталией Ман [5].

Творчество С. Моэма не было обойдено вниманием ученых. В том числе существуют и работы, где особое внимание обращено на особенности стиля писателя. Так, в работе Е.Б. Борисовой и Л.М. Козеняшевой анализируются сюжетно-композиционные и лингвистические средства, использованные С. Моэмом при создании образа служанки Мэри Энн – одного из второстепенных персонажей романа «Бремя страстей человеческих» [2]. Особенности творческой манеры писателя отмечаются в статьях И.Г. Серовой и И.В. Трикозенко, где указывается, что «в то время, когда в моде была изысканная проза, Моэм умудрялся создавать шедевры из высшего степени обыденного материала», ориентируясь на «речевую практику повседневного поведения» [7], стремясь к «ясности, простоте и благозвучию», он использовал «живой язык» [9]. А.А. Хафизовой и А.А. Гараевой создана статья обобщающего характера, в которой дается обзор критических работ, содержащих оценки языка и стиля английского писателя [10]. При этом в ходе изучения научной литературы не было выявлено работ, посвященных

анализу портретов персонажей романа «The Moon and Sixpence». Этим обуславливается актуальность данного исследования, в котором предпринята попытка проанализировать лексический состав отрывков из романа, содержащих описание внешнего облика главного героя.

Предваряя анализ лексических средств, использованных автором романа «The Moon and Sixpence» при описании внешнего облика основного персонажа, необходимо отметить, что этот текст имеет своеобразную повествовательную структуру. Применительно к произведениям такой разновидности учеными используется термин «персонифицированный повествователь» [2, с. 123]. Он одновременно выступает в роли «говорящего» и одного из персонажей, имевшего отношение к описываемым им событиям и возможность общаться с их участниками. При этом отмечается, что персонифицированный повествователь может занимать различные положения в образной системе произведения, являясь главным, второстепенным или эпизодическим персонажем. Последний из названных типов нередко называют «повествователем-наблюдателем», в связи с тем, что он практически не принимает участия в действии [2, с. 123]. Именно такой повествователь становится субъектом речи в «The Moon and Sixpence» С. Моэма.

«Передоверяя» функцию повествователя одному из героев, автор романа сообщает об этом уже в первом предложении: «Когда я познакомился...» (*“when first I made acquaintance...”*) [5, с. 13; 11, р. 7]. Таким образом, С. Моэм дает читателям понять, что все изображенные события и описания даны через призму сознания конкретного человека, имеющего определенную точку зрения на все происходящее. Подобно другим героям романа, рассказчик наделен рядом «примет» литературного персонажа. В тексте сообщается, что он является писателем (вначале – начинающим, а потом уже зрелым), сообщаются отдельные факты из его биографии: начало творческого пути и общение с представителями творческих кругов Лондона, поездки в Париж, путешествие на Таити и знакомство с жителями острова и т. п. В отдельных эпизодах произведения говорится о непосредственных контактах рассказчика с основными действующими лицами, но по большей части он представлен как человек, видевший все «со стороны» или узнавший о каких-либо перипетиях из жизни тех, о ком он повествует, от других людей. При этом с помощью неоднократно встречающихся глаголов прошедшего времени подчеркивается, что все события, о которых идет речь, отделены от времени повествования значительным временным интервалом.

Наличие рассказчика предопределяет своеобразие типа повествования, которое ведется от первого лица, обуславливает особенности стиля произведения и отбор языковых средств, в том числе и тех, которые служат для обрисовки наружности персонажей.

Говоря о типах повествования в целом, следует отметить, что они могут быть различными и разграничиваются учеными в зависимости от того, насколько выражена речевая манера повествования. В отличие от нейтрального повествования, построенного по нормам литературной речи от третьего лица, рассказ, который ведется от имени персонифицированного повествователя, обычно является более экспрессивным, в его речи присутствуют лексические единицы с оценочными значениями. Писатели учитывают, что речевая манера говорящего должна соответствовать его социальному статусу, возрасту, уровню образования и т. п. [2, с. 124]. В то же время создатель произведения и персонифицированный повествователь могут быть близки настолько, что их позиции, и, как следствие этого, «голоса», практически будут сливаться. Представляется, что именно о таком случае можно говорить, анализируя роман С. Моэма «The Moon and Sixpence», в котором автор не случайно делает рассказчика не просто творческой личностью, а человеком, занимающимся литературным трудом, профессиональным писателем.

Вероятно, автор романа, который имел возможность выбрать для повествователя любое поле деятельности, стремился таким образом подчеркнуть, что рассказ будет вестись от лица человека, подобного ему самому, фактически являющимся вторым «я» создателя произведения. В связи с этим можно считать естественным тот факт, что манера речи рассказчика не отличается от стиля Моэма, ярко проявляющегося в других произведениях автора, которые, по словам А.Н. Беспалова, отличаются общедоступностью и безыскусностью изложения [1].

Считается, что прототипом главного героя романа «The Moon and Sixpence» являлся художник Поль Гоген (1848–1903). Создавая свой роман, С. Моэм в художественной форме воссоздал основные вехи жизненного пути французского живописца: жизнь в Лондоне, где он работал биржевым маклером, пребывание в Париже, куда он уехал, движимый стремлением посвятить себя искусству, пребывание на острове Таити, экзотическая атмосфера которого позволила художнику в полной мере раскрыть свой талант.

Изображая в романе «The Moon and Sixpence» главного героя, Чарльза Стрикленда (Charles Strickland), С. Моэм также обрисовывает несколько этапов его жизни. В связи с этим в тексте встречается несколько портретных характеристик названного действующего лица. Стрикленд каждый раз предстает перед человеком, от имени которого ведется повествование, в новых обликах, поскольку изменения в судьбе персонажа накладывают отпечаток на его внешний облик.

Первая встреча рассказчика и главного героя происходит в доме Стрикленда, куда по приглашению его

жены приходят те, кого она считает истинными представителями мира искусства. Автор романа представляет главного героя читателям, помещая в этой части романа его экспозиционный портрет.

Образ главного героя дан через призму сознания рассказчика. Повествователь впервые встречается со Стриклендом, о котором, на основании высказываний общих знакомых, у него уже сложилось определенное впечатление как о человеке весьма далеком от сообщества творческих личностей. Описание начинается словами: *"I <...> examined Strickland at my ease"* («Я стал на досуге разглядывать Стрикленда» [11, р. 33; 5, с. 33]). Выбранная С. Моэмом для повествователя позиция наблюдателя создает художественную мотивировку для включения в текст романа детализированного портрета, который, несомненно, может быть отнесен к числу оценочных.

В описании содержится информация о возрасте Стрикленда (*"a man of forty"* – «мужчина лет сорока») и отдельных особенностях его наружности:

- фигуре (*"he was broad and heavy, with large hands and feet"* – «широкоплеч, грузен, руки и ноги у него были большие») [11, р. 33; 5, с. 31];
- лице, его чертах и глазах (*"his features were rather good; but they were all a little larger than life-size"* – «черты лица его, довольно правильные, но странно крупные»; *"he was clean shaven"* – «он был чисто выбрит»; *"his large face"* – «его большое лицо»; *"his eyes were small, blue or grey"* – «его глаза, не то серые, не то голубые») [11, р. 34; 5, с. 31];
- волосах (*"his hair was reddish, cut very short"* – «волосы у него были рыжеватые, коротко остриженные») [11, р. 34; 5, с. 31].

Сочетая ряд существительных (соматизмов) с прилагательными, С. Моэм создает выразительную портретную характеристику, призванную способствовать формированию достаточно полного представления о Чарльзе Стрикленде в бытность его биржевым маклером. К описанию внешности добавляется указание на то, что герой одет в подходящий для приема вечерний костюм (*"he wore his evening clothes"*) [11, р. 34].

При этом описание отдельных черт наружности главного героя сопровождается словами и словосочетаниями, указывающими на то, как воспринимает увиденного им человека повествователь. В частности, в тексте говорится о том, что черты лица Стрикленда «производили невыгодное впечатление» (*"and the effect was ungainly"*) [5, с. 31; 11, р. 34] и оно казалось «неприятно обнаженным» (*"his large face looked uncomfortably naked"*) [5, с. 31; 11, р. 34]. Характеристика одежды, точнее – производимого ею впечатления, дается с помощью сравнения, содержащего сравнительный предикат *"gave <...> the idea"* 'создавал впечатление, напоминал' [11, р. 34] и указа-

нием на то, что объектом для сравнения является «*принарядившийся кучер*» (*"of a coachman dressed up for the occasion"*) [5, с. 31; 11, р. 33]. Итог своих наблюдений над внешностью Стрикленда повествователь подводит фразой: *"He looked commonplace"* («В общем, внешность самая заурядная») [11, р. 33; 5, с. 31]. Эпитет *"commonplace"* (заурядный), синонимичный словам «посредственный, обычный», призван указать на то, что повествователь, подобно всем окружающим Стриклендов людям, не видит в главе этого семейства ничего примечательного.

Вторая встреча повествователя с Чарльзом Стриклендом происходит в Париже, куда биржевой маклер уехал, порвав отношения со своими близкими, движимый желанием стать художником. В этом случае портретная характеристика главного героя оказывается более краткой.

Существительные, обозначающие части тела персонажа, в описании отсутствуют. Но сообщение о том, что Стрикленд «не брился уже несколько дней» (*"he had not shaved for several days"*) [5, с. 49; 11, р. 62], позволяет отметить, что в поле зрения повествователя попадает лицо. Представляется, что в данном случае можно говорить о детали, приобретающей в контексте повествования «знаковый» характер. Как указывается в «Словаре библейских образов», лицо «означает индивидуальность, направленную вовне» [8]. Сопоставив изображения Стрикленда, имеющиеся в экспозиционной и данной портретной характеристиках, можно отметить, что щетина на лице ранее чисто выбритого человека свидетельствует об изменениях, произошедших в его внутреннем мире. В этом же фрагменте сопоставление двух этапов жизни Стрикленда – лондонского и парижского – производится рассказчиком более четко. Повествователем упоминается, что при первой их встрече в Лондоне Стрикленд был довольно нарядным (*"dressed up"*) [5, с. 31; 11, р. 34], в противовес этому в Париже на нем надеты «поношенная куртка» (*"an old Norfolk jacket"*) и «котелок, очень и очень нуждавшийся в щетке» (*"a bowlerhat much in need of brushing"*) [5, с. 49; 11, р. 62]. Увиденный молодым писателем человек характеризуется им определениями «неопрятный и непричесанный» (*"untidy and ill-kempt"*) [5, с. 49; 11, р. 62]. Правда, тут же отмечается, что дома Стрикленду явно было неуютно, а теперь, в захудалой гостинице, он «чувствовал себя превосходно» (*"he looked perfectly at home"*) [5, с. 49; 11, р. 62].

В той части текста, где обрисовывается приезд повествователя в Париж, представлен еще один портрет Стрикленда. Описание внешности главного героя включено в эпизод, где изображается беседа персонажей. Стрикленд с подлинной страстью в голосе говорит о том, как сильно он желает заниматься рисованием, и это заставляет повествователя пристально взглянуть в своего собеседника. В первой фразе, предваряющей описание внеш-

ности главного героя, снова встречается эпитет *ordinary* («заурядный»), правда, при этом он сочетается с глаголом *looked* («казался»), указывающим на то, что повествователь готов признать ошибочность первых впечатлений. «Я не сводил с него глаз» (“My eyes, resting on him curiously”) [5, с. 55; 11, р. 71], – говорит рассказчик, после чего следует описание внешности Стрикленда. Как и в предшествующих фрагментах в этом случае автором используется ряд существительных, входящих в две тематические группы:

- со значением «одежда» (“his old Norfolk jacket and his unbrushed bowler” («он вот так сидит здесь в своей старой куртке и давно не чищенном котелке»), “his trousers were baggy” («брюки на нем мешковатые») [11, р. 71; 5, с. 56];
- со значением «тело» (соматизмы) (“his hands were not clean” («руки нечисты»); “his face, with the red stubble of the unshaved chin, the little eyes, and the large, aggressive nose, was uncouth and coarse” («лицо... с небритой рыжей щетиной на подбородке, с маленькими глазками и большим задорным носом, грубо и неотесанно»); “his mouth was large, his lips were heavy and sensual” («рот у него крупный, губы толстые и чувственные») [11, р. 71; 5, с. 56].

В анализируемом описании появляется ряд лексем *chin, nose, mouth, lips* ‘подбородок, нос, рот, губы’, ранее в портретах Стрикленда не встречавшихся. Использование таких слов может быть объяснено с позиции автора стремлением дополнить портретную характеристику главного героя, с позиции повествователя (воспринимающего сознания) – углом зрения на человека, которого он видит, сидя напротив него за столиком в кафе.

Третья встреча рассказчика и Стрикленда снова происходит в Париже “about five years after this” («лет пять спустя») [11, р. 92; 5, с. 68]. До того, как он увидел Стрикленда, повествователь общался еще с одним художником – Дирком Стрёвом. В уста этого персонажа вкладывается краткая характеристика их общего знакомого: “A big fellow with a red beard” («Высокий малый с рыжей бородой») [11, р. 104; 5, с. 77]. В этом описании, представляющем собой портрет-штрих, одновременно отмечаются постоянные признаки внешности Стрикленда “big fellow” («высокий малый») и указывается на изменение его облика. С помощью лексических средств (“clean shaven” – «чисто выбрит»; “with the red stubble of the unshaved chin” – «с небритой рыжей щетиной на подбородке»; “with a red beard” – «с рыжей бородой») С. Моэм выстраивает своеобразный зрительный ряд. Как уже было отмечено, изменения, видимые на лице героя, свидетельствуют о его меняющемся отношении к самому себе. Очевидно, что «рыжая борода» становится для Стрикленда своеобразным символом того, что он, порвав отношения со своим буржуазным окружением, стал принадлежать к миру искусства, а для окружающих его людей – важнейшей приметой внешности художника.

Не случайно эта же деталь внешности главного героя отмечается в том фрагменте, где сообщается, как Стрикленда в его новом обличье впервые увидел повествователь: “I noticed a man bending over a chess-board, but could see only a large felt hat and a red beard” («Я заметил человека, склонившегося над шахматной доской, но различил только широкополую шляпу и рыжую бороду») [11, р. 107; 5, с. 79]. Наряду с упоминанием о рыжей бороде необходимо отметить и еще одно словосочетание – “a large felt hat” («широкополая шляпа»). Оно дает понять, что, воспринимая себя в новом качестве, Стрикленд сменил привычный для его прежнего буржуазного окружения котелок на головной убор, считающийся более подходящим для свободного художника.

Как и в предшествующих частях текста, следующее практически сразу же за портретом-штрихом описание внешности главного героя, которое дается рассказчиком, является развернутым. Повествователь определяет свою позицию словами: “I welcomed the opportunity to examine him at my ease” («Я был рад случаю исподволь понаблюдать за ним») [11, р. 108; 5, с. 79]. После этого дается портретная характеристика Стрикленда, начинающаяся с описания его бороды. В этом описании колоратив “red” («рыжая») дополняется определениями “ragged and untrimmed” («косматая и нечесаная»), указывается на величину бороды, которая «закрывала большую часть лица» (“hid much of his face”) [5, с. 79; 11, р. 108]. Наряду с этим упоминается, что «волосы на голове тоже были длинные» (“and his hair was long”) [5, с. 79; 11, р. 108]. Главным отличием Стрикленда, увиденного им в настоящее время, от того, каким он был ранее, для повествователя является «страшная худоба» (“his extreme thinness”) [5, с. 79; 11, р. 108]. Отмечая, в чем она выражается, рассказчик упоминает черты лица героя; в этом случае существительные-соматизмы сочетаются не только с прилагательными, но и с глаголами: “It made his great nose protrude more arrogantly” («большой нос еще резче выдался вперед»), “it emphasized his cheek bones” («щеки ввалились»), “it made his eyes seem larger” («глаза стали огромными»), “there were deep hollows at his temples” («запавшие виски казались ямами»; дословно ‘на висках были глубокие ямы’ – Л.С., О.Б.) [11, р. 108; 5, с. 79]. При описании персонажа также используется сравнение: “His body was cadaverous” («Тело напоминало скелет»; дословно: ‘Его тело было страшным как у мертвеца’ – Л.С., О.Б.) [11, р. 108; 5, с. 79].

В эпизодах романа, где изображается пребывание рассказчика в Париже, сообщается о нескольких его встречах со Стриклендом. В связи с этим в тексте в дополнение к ранее представленным изображениями внешности главного героя произведения встречается ряд портретов-штрихов. Один из них содержит сведения о том, как выглядел Стрикленд во время болезни: “Strickland was a weird figure as he lay there, thinner than ever, with his ragged red beard and his eyes staring feverishly into

vacancy; his illness seemed to have made them larger, and they had an unnatural brightness («...Он лежал, уставившись воспаленными глазами в пустоту, еще более худой, чем обычно, с всклокоченной рыжей бородой; от болезни его неестественно блестящие глаза казались еще огромнее») [11, р. 141; 5, с. 101;]. В этом портрете встречаются лексемы, содержащие оценку увиденного: *“a weird figure”* («страшно было смотреть») [11, р. 141; 5, с. 101]. В портретную характеристику включены уже встречавшиеся ранее соматизмы, служащие для обозначения телосложения героя и характерной для его нынешнего облика приметы – бороды. При этом автор добавляет определения, призванные подчеркнуть изменения в наружности героя: глаза характеризуются эпитетами *“feverishly”* «воспаленные», *“unnatural brightness”* «неестественно блестящие», *“seemed to have made them larger”* «казались еще огромнее» [11, р. 141; 5, с. 101].

Второе описание наружности Стрикленда также принадлежит к числу оценочных портретов-штрихов. Облик героя оценивается повествователем словом «странный», которое повторяется дважды, второй раз – с уточнением «странный настолько, что он уже не был отталкивающим» (*“...he had an extraordinary aspect; but it was so odd that it was not quite ugly”*) [5, с. 102; 11, р. 142]. В описание входит сообщение об изменившемся за время болезни телосложении героя, которое дается с помощью фразеологизма *“skin and bone”* («кожа да кости») и сравнения *“his clothes hung upon him like rags on a scarecrow”* («одежда болталась на нем, как на вешалке») (дословно: ‘как лохмотья на пугале’ – Л.С., О.Б.). Здесь же снова упоминаются *“untidy beard”* («взломаченная рыжая борода»); *“long hair”* («отросшие волосы»), *“his features, always a little larger than life, now emphasised by illness”* («необычайно крупные черты лица, заострившиеся от болезни») [11, р. 142; 5, с. 102].

Своеобразие романа «The Moon and Sixpence» состоит в том, что это произведение имеет хроникальный сюжет. В произведении обрисовывается жизнь Чарльза Стрикленда на протяжении длительного времени: от его «бегства» в сорокалетнем возрасте из лондонского дома до смерти от проказы на острове Таити. При этом роман имеет повествовательную структуру, с учетом своеобразие которой текст можно условно разделить на две части: в первой из них описываются события, свидетелем и участником которых являлся сам рассказчик, во второй – в его уста вкладываются пересказы историй, которые он слышал от разных людей. В этой части отдельные вехи истории Чарльза Стрикленда воссоздаются четырьмя персонажами: капитаном Николсом; Тиаре Джонсон – хозяйкой отеля «Де ля Флер», расположенного на Таити; капитаном дальнего плавания Брюно, живущем на одном из тихоокеанских островков, и доктором Кутра.

Описание внешности Стрикленда дается лишь одним

из названных персонажей – французским капитаном Брюно. Он сообщает писателю, от имени которого ведется повествование, что был хорошо знаком со Стриклендом и даже посещал на Таити хижину, где художник обосновался с туземкой Атой. Портретная характеристика представляет главного героя в новом обличье. Как и ряд предшествующих описаний, портрет Стрикленда создается за счет использования ряда существительных, сочетающихся с прилагательными: *“his red beard and matted hair”* («вскокоченные волосы, рыжая борода») [11, р. 278; 5, с. 190]. Наряду с этим сообщается, что у него *“great hairy chest”* («широкая волосатая грудь») и ноги, *“horny and scarred”* («сбитые, все в мозолях и царапинах») [11, р. 278; 5, с. 190]. Эти части тела художника открываются взгляду капитана потому, что на Стрикленде нет никакой одежды *“but a pareo”* («кроме парео»). По словам Брюно, с позиции которого оценивается наружность художника, *“he had gone native”* («он стал настоящим туземцем») [11, р. 278; 5, с. 190].

Обобщая все сказанное выше, следует отметить, что всего в произведении встречается 8 портретных характеристик Чарльза Стрикленда, данных рассказчиком, и одна – помещенная в фрагменте, оформленном как пересказ повествователем речи капитана Брюно. При создании портрета главного героя романа «The Moon and Sixpence» С. Моэм прежде всего использует имена существительные. Слова, принадлежащие к этой части речи, входят в две тематические группы: со значением «тело» (соматизмы) и со значением «одежда».

В описаниях Стрикленда встречается значительное количество соматизмов: *face, hair, eyes, hands, feet, chest* ‘лицо, волосы, глаза, руки, ноги, грудь’. В различных частях текста соматизмы сочетаются с другими существительными, позволяющими детализировать изображение, прилагательными, причастиями или причастными оборотами, позволяющими С. Моэму представить внешний облик героя на разных этапах его жизни. В частности, в первом из рассмотренных портретов о ногах героя сообщается лишь то, что они *“large”* («большие») (прилагательное служит только для обозначения величины), в последнем указывается, что они *“horny and scarred”* («сбитые, все в мозолях и царапинах») (качественное прилагательное дополняется причастием).

В тематическую группу «одежда» входят существительные: *clothes, jacket, bowler hat, felt hat, pareo* ‘костюм, куртка, котелок, шляпа, парео’. Большинство указанных лексем сочетается с качественными прилагательными: *“old jacket”* «поношенная куртка», *“a large felt hat”* «широкополая шляпа». Описание котелка разворачивается в высказывании, где в качестве усилителя используется неопределенное местоимение *much*: *“a bowler hat much in need of brushing”* («очень и очень нуждающийся в чистке»).

Поскольку описания наружности Стрикленда даны с позиции других персонажей, портреты главного героя являются оценочными. Фактически, оценочные функции выполняют все лексические единицы, использованные при изображении внешнего облика Стрикленда, но особенно явственно позиция говорящего видна в тех случаях, когда в его речи встречаются сравнения: *“the idea of a coachman dressed up for the occasion”* («он напоминал принарядившегося кучера»), *“his large face looked uncomfortably naked”* («его большое лицо казалось

неприятно обнаженным»), “his body was cadaverous” («тело напоминало скелет»), *“his clothes hung upon him like rags on a scarecrow”* («одежда болталась на нем, как на вешалке») и т.п.

Подводя итог, следует отметить, что при создании портрета Чарльза Стрикленда автором используются различные лексические средства, позволяющие С. Моэму придать образу изображаемого им литературного персонажа черты неповторимой человеческой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалов А.Н. Структура портретных описаний в художественном тексте среднеанглийского периода: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук; Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Москва, 2001. 160 с.
2. Борисова Е.Б., Козеняшева Л.М. Сюжетно-композиционные и лингвостилистические средства создания образа второстепенного персонажа в романе У.С. Моэма «Бремя страстей человеческих» // Поволжский педагогический вестник, 2015, №2 (7), С. 7–12.
3. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М.: Флинта: Наука, 2011. 246 с.
4. Ионкис Г.Э. Уильям Сомерсет Моэм: грани дарования // У.С. Моэм. Подводя итоги. М.: Художественная литература, 1991, С. 7–25.
5. Моэм У.С. Луна и грош; перевод Н. Ман. М.: AST Publishers, 2014. 216 с.
6. Седова Е.С. Место романа С. Моэма «Театр» в «трилогии о творцах искусства» // Шадринские чтения. Шадринск: ПО «Исеть», 2006. С. 82–84.
7. Серова И.Г. Магия слова: секрет популярности У.С. Моэма // Модели успеха: развлекательность, популярность, массовость как явления культуры. Сборник материалов XI Ежегодной Международной конференции Российской ассоциации преподавателей английской литературы (17–21 сентября 2001 года, Тамбов). – Часть 1. – Модели литературного успеха и XX век. – Литература Западной Европы XIX века: сайт. – URL: http://www.russiandickens.com/science/model/model_lit1.htm (дата обращения: 16.06.2024).
8. Словарь библейских образов: Справочник / под общей редакцией Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лингмана III; перевод Б.А. Скорозодова, О.А. Рыбакова. СПб.: Библия для всех, 2005. 1423 с.
9. Трикозенко И.В., У.С. Моэм: секреты малого классика // Модели успеха: развлекательность, популярность, массовость как явления культуры. Сборник материалов XI Ежегодной Международной конференции Российской ассоциации преподавателей английской литературы (17–21 сентября 2001 года, Тамбов). – Часть 1. – Модели литературного успеха и XX век. – Литература Западной Европы XIX века: сайт. – URL: http://www.russiandickens.com/science/model/model_lit1.htm (дата обращения: 16.06.2024).
10. Хафизова А.А., Гараева А.К. Язык и стиль С. Моэма в оценке критиков // Казанский лингвистический журнал, 2018, №2 (1) С. 67–71.
11. Maugham W.S. The Moon and Sixpence. New York, Random House, 2001. 320 p.
12. Šušić M. Methodical Approach to a Literary Character // European Journal of Language and Literature. Vol. 6. No. 2, Oct. 2020. Pp. 93–109.

© Сартаяева Людмила Ивановна (sartaeva60@mail.ru), Бакуменко Ольга Николаевна (olga.bakoumenko@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»